

Станислав ФЕДОТОВ

ГОРИЗОНТ

Станислав Петрович Федотов родился в Томске в 1938 году. Окончил Томский государственный университет по специальности физик-радиоэлектроник. Долгие годы жил и работал в родном городе: четырнадцать лет трудился на предприятиях, а затем — редактором Западно-Сибирского книжного издательства.

Автор пяти поэтических книг, двух пьес. Дипломант Всероссийского конкурса молодых драматургов им. Н. Погодина. Член Союза писателей СССР. Живет в Благовещенске.

* * *

Судьба —
 сплошное многоточие! —
из Томска понесла —
 увы! —
еще на два часа восточнее,
на четверть суток
 от Москвы.

«Увы?..»
В душе сидящий бестия
лукавит,
с виду только хмур:
ведь это сам
 с любимой вместе я
решил уехать на Амур.

Тот путь, что томскими служивыми
когда-то пройден,
 вновь торить
и время давнее
 нелживыми
словами
внятно повторить.

В Москве
 стихами легче кормятся,
но над кусками —
 клекоток...

У нас с любимой
 будет горница
окном открыта на восток.

На шесть часов столичных ранее
(так
 каждый день,
так
 каждый год)
омытыми росой гранями
нам утро в горницу блеснет.

И отразится, озоруя,

веселым солнечным огнем
в глазах любимой,
в поцелуе,
в стихотворении моем.

* * *

На Вахе —
«новости хорошие»:
на Вах писатели приехали.
Вахтовики,
тоской обросшие,
набились «под завязку» в клуб.
Он, «Горизонтом» кем-то
прозванный
(всерьез когда-то, ради смеха ли),
стихи глотаёт,
дышит прозой,
на отклик дружеский не скуп.

Глаза живые,
все забывшие,
по-детски плятятся восторженно,
а ноги,
смену отходившие,
стихам притопывают в лад...
Вот люди!
На сорокаградусном
полсуток бывшие
отторженно,
сейчас, отогреваясь радостно,
нам уделить тепла хотят.

Кто мы для них?
Почти «столичные»,
нездешние, во всяком случае,
хотя и вынесли стоически
ветров морозный перебор,
но — отдаем
(ведь люди жаждали!)
все,
что скопили в сердце лучшего,
и словно видим
душу каждого,
и каждый
откровенно добр.

Народ вахтовый —
операторы,
и машинисты, и ремонтники,
и шофера — дорог приятели,
и сварщики — друзья огня...
Взаимно
нефтью крепко связаны
(куда там — «фарт»
иль джинсы модные!),

с Большой земли такие разные
летят,
а здесь —

почти родня.
И скважинами,
будто зондами,
пронзая толщи многослойные
и нефтяными горизонтами
командуя
(кто что постиг),
не «короли» из бравой песенки
и не герои безусловные,
они тоскуют о поэзии,
о чувствах —
вечных и простых.

Там,
на Большой,
в отдохновении
среди родных
от вахты муторной,
им строки наши
вдохновенные,
быть может,
помнить не резон.
Но верю:
за делами прочими
нет-нет и высветится
мудрое
мгновенное,
но очень прочное,
единство душ —
наш горизонт.

Анекдоты

Было время,
между прочим,
им теряли даже счет:
как начнется день рабочий —
сразу
новый анекдот.

О волках,
и об овечках,
о безвестных человечках,
и о тех,
кто знаменит...
Анекдот — познания вид.

Стоит только недостаткам
проявиться —
в свой черед
по заслугам
без остатка
он виновным воздаёт.

И всегда
(как говорится,
«при наличии вины»)
не взирает он на лица,
званья,
 должности,
 чины.

Да, бывает,
он роняет
чью-то честь, авторитет.
И бывает,
что ролями
он меняет
 тень и свет...

Но когда и кто
 уронит
то,
чего ты не имел?
Анекдот, считай,
барометр
состоянья наших дел.

Вот же факт
(пускай изменчив, —
фактом стоит дорожить!):
анекдотов стало меньше —
значит,
 лучше стало жить.

* * *

Мне покаяться надо заранее:
понимаю,
 что случай не нов...
Роща русских березок
 в Сараево
проплыла,
будто песня без слов.
За окном
 пролетела мелодия
и уже —
 далеко позади...
Но,
как эхо,
 пронзительно —
«Родина!» —
защемило,
 заныло в груди.
И ребята,
что только что рыскали
в куцах лавок
(а рты —
 колесом!),
все заботы тряпично-туристские

забывали,
 светлея лицом.
Сколько раз уж,
и все-таки —
 заново
(иностранцам другим
 не в пример) —
осознанье
заветного самого:
«русский»,
 «русские»,
 «СССР».

* * *

О господи, как дети хороши!
Все малыши,
которые в тиши
уснувших комнат
дышат невесомо...
Когда ж не спят —
шум,
 гром,
 и кавардак!
Ворчим на них,
ругаем так и сяк,
а ведь без них
ни счастья нет,
ни дома.

* * *

Свалили кедр.
Тяжелый,
 будто медный,
с набатным гулом
замертво упал...
«Жаль...
Но зато —
 какие кубометры
такой красавец леспромхозу дал!»
Березы — в плач,
осины голосили:
«Отца тайги убили-и...
 Лучше б нас!..»
«Вот глупые!
Ценнее древесины,
чем кедр,
 на свете мало.
Выеший класс!»

А если даже пустят и на шпалы —
гниль не возьмет их
в живице-смоле...»

Не потому ль
нам кислорода мало,
что меньше стало кедров на земле?

* * *

Вертолетик,
будто мошка,
залетевшая в лукошко,
огибает окоем...
Мы следим за ним вдвоем.
Мы лежим в траве пахучей,
а над нами небо —
кручей
бесконечной высоты,
безупречной чистоты.
Только солнце
вверх стремится...

Только —
тенью
чиркнет птица:

миг! —
и где-то вдалеке...
Мы лежим
рука к руке.
Локти — рядом,
пальцы — близко.
Между ними —
словно искры.

Колет кожу,
жжет ладонь
скрытой нежности
огонь.
...Сохранить бы это пламя,
кручу синюю над нами,
запах трав
и птиц полет,
даже мошку-вертолет —
все сбережь,
не только части, —
потому что это
счастье —
быть с любимой вдвоем,
видеть чистый окоем.